Е.В. Виноградова
г. Москва

СЕМЬЯ ФИЛОСОФОВЫХ НА СТРАНИЦАХ ВОСПОМИНАНИЙ О С.П. ДЯГИЛЕВЕ В.Ф. НУВЕЛЯ

1. Об авторе воспоминаний и его рукописи

Вальтер Федорович Нувель (1871 – 1949) – композитор-любитель, член объединения «Мир искусства», сотрудник «Русского балета Дягилева», потом – «Русского балета Монте-Карло», видный представитель русской эмиграции «первой волны».

Родился в Санкт-Петербурге, в буржуазной семье немецкого происхождения. Учился в частной гимназии К. Мая (вместе с А.Н. Бенуа, К.А. Сомовым, Д.В. Философовым, там и завязалась их дружба), затем – в Санкт-Петербургском университете, на юридическом факультете (так же вместе с А.Н.Бенуа, Д.В.Философовым и вошедшим в дружеский кружок С.П.Дягилевым). После окончания университета служил чиновником в Министерстве Двора. Активный член объединения «Мир искусства» в 1898 –1904 гг., один из организаторов «Вечеров современной музыки» в 1901 – 1908гг., вместе с И. Покровским, А. П. Нурокм. В 1906 – 1907 гг. принадлежал к кружку «гафизитов» вместе с Вяч. Ивановым, Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, М.А. Кузминым, К.А. Сомовым, Н.А. Бердяевым, С.А. Городецким. Всю жизнь писал музыку как композитор-любитель (в молодые годы был поощрен в этом Н.К. Римским-Корсаковым). Посетитель религиозно-философских собраний, организованных Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус. С З.Н. Гиппиус много лет состоял в переписке. В течение всей жизни был близким другом К.А. Сомова, А.Н. Бенуа, А.П. Нурока (до

его смерти в 1919 г.), Л.С. Бакста, С.П. Дягилева. С 1919 г. – в эмиграции. Постоянный помощник С.П. Дягилева и администратор его «Русского балета». После смерти Дягилева и прекращения деятельности его балета в 1929 г. – консультант «Русского балета Монте-Карло». Друг И.Ф. Стравинского и практически соавтор его «Хроник моей жизни». В годы Второй мировой войны жил в США, затем вернулся в Европу. Скончался в 1949 г. в Париже, похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

В середине 1930-х гг В.Ф. Нувель, по просьбе английского историка балета А. Хаскелла, подробно и увлекательно изложил на бумаге историю жизни и деятельности С.П. Дягилева и своей многолетней дружбы с ним.

Несмотря на то, что с молодости и практически до последнего десятилетия жизни В.Ф. Нувель оставался в гуще художественной жизни – от «Мира искусства» до «Русского балета Монте-Карло» – и все это время активно общался с самыми яркими ее представителями в разных сферах культуры, его личность, его собственная деятельность и сейчас остаются в глубокой тени. Как замечали его друзья и сотрудники, он всегда больше всего дорожил своей свободой и независимостью, и в дополнение к этому отличался большой скромностью (что означало не стесненность в общении – напротив, он был человеком крайне живым, общительным, остроумным, любителем и мастером легкой болтовни[1], притом способным и вести порой углубленные беседы[2] и проявлять сердечную откровенность и искренность[3], – но скромность как желание оставаться в тени, нежелание выставлять себя напоказ – в полную противоположность основному герою своих воспоминаний, о которых идет речь) и неприязнью к любой ответственности – что, в совокупности, оборачивалось пребыванием на периферии больших и масштабных затей, осуществлявшихся его друзьями и единомышленниками, будучи в то же время в курсе всего, и, к сожалению, малой, по отношению и к его способностям, и к реальному его вкладу в эти затеи, известностью и отдачей.

Насколько можно судить из различных источников, В. Нувель обладал разнообразными способностями. Одаренный пианист (од-

нако ограничившийся узким кругом слушателей, состоящим из родных, друзей и сотрудников), чьи исполнительские качества высоко оценивали такие знатоки, как И. Стравинский, С. Прокофьев; сочинитель легких музыкальных и музыкально-драматических произведений (о качестве которых мне трудно говорить, поскольку ни отзывов, ни нот отыскать не удалось), автор легких и шуточных стихов, нравившихся М. Кузмину (который, упомянув не однажды, не привел их, к сожалению, ни разу в своих дневниках, что понятно, т.к. В. Нувель был в числе постоянных читателей, а вернее, слушателей этих дневников), даже, по-видимому, художник-любитель, достаточно компетентный, однако, для того, чтобы Д.С. Мережковский поручил ему иллюстрировать один из своих романов (рисунки были сделаны, но публикация, к сожалению, не состоялась)[4] ... Кроме того, он выказал себя достойным организатором при создании в Санкт-Петербурге, вместе с И. Покровским и А. Нуроком, «Вечеров современной музыки», продолжавшихся восемь сезонов, в течение которых в обстановке камерных концертов петербуржцам предоставлялась возможность познакомиться с самой новой российской и европейской музыкой и в которых роль организаторов изначально была задумана «как скромная рамка» для молодых талантов.[5]

Большим разнообразием отличались и его интересы, и его знания. Он прекрасно разбирался в европейской и русской музыке разного времени, хорошо знал театр – и драматический, и музыкальный. Участвовал в постановках пьес М. Кузмина в нач. XXв. в Санкт-Петербурге и Петрограде, а после эмиграции в 1919 г., постоянно сотрудничая с «Русским балетом Дягилева», – в постановках практически всех его опер и балетов, в организации всех фестивалей и концертов, которые предпринял Дягилев по всей Европе. К его мнению, как к мнению знатока, прислушивались Н. Черепнин, И. Стравинский. Он интересовался и литературой – русской и, в особенности, европейской, будучи способен, к примеру, обсуждать на равных французскую прозу XVIII в. с таким ее ценителем, как М. Кузмин.

Письменное наследие В.Ф. Нувеля, крайне интересное, находится в разных странах и изучено только частично. Так, в Москве,

в РГАЛИ, кроме рукописи, о которой говорится в данном сообщении, находятся письма В.Ф. Нувеля В.Н. Аргутинскому-Долгорукому[6], письма В.Ф. Нувеля А.Н.Бенуа,[7] письма В.Ф. Нувеля К.А. Сомову,[8] .В.Ф. Нувеля М.А. Кузмину. Часть переписки с Бенуа, часть писем Сомову, писем Кузмину были в разное время опубликованы. Многие документы находятся также в Санкт-Петербургских архивах.

Несколько писем зарубежного периода жизни В.Ф. Нувеля находятся в собрании известного французского слависта Рене Гера, местонахождение остальных бумаг неизвестно.

Поиск и изучение наследия В.Ф. Нувеля должны привлечь исследователей, несмотря на все сложности, неизбежные на этом пути.

И, как часть этого наследия, немалый интерес представляют собой его записки или заметки (Notes), содержащие воспоминания и размышления о С.П.Дягилеве, о «Мире искусства» и «мирискусниках», о русской живописи, русском театре, русском балете Императорских Театров и «Русском балете» Дягилева.

Ксерокопия рукописи воспоминаний В.Ф.Нувеля о С.П.Дягилеве была передана, вместе с большим количеством других материалов, связанных с русской культурой, и, в частности, с деятельностью бывших членов объединения «Мир искусства» за рубежом, в РГАЛИ Н.Д. Лобановым-Ростовским, известным представителем русского зарубежья, коллекционером и меценатом.

Рукопись не датирована, но приблизительно установить время ее создания можно, благодаря указаниям в самом тексте. Так, на стр. 129 В. Нувель упоминает «Хронику моей жизни» И.Ф. Стравинского, которая была опубликована в 1935 г., но закончена в 1934, текст которой был известен Нувелю и до выхода книги, поскольку он участвовал в ее создании[9]. На стр. 151, т.е. приблизительно в середине работы, с неостывшим еще возмущением упоминается книга Ромолы Нижинской, вышедшая в 1934 г.[10], и там же, говоря об отношении своих друзей к политической ситуации в России перед революцией 1905 г. и после нее, В. Нувель замечает: «Говорить о чужих мнениях с расстояния *в тридцать лет*…задача

очень деликатная». С другой стороны, в опубликованной в 1935г. книге А.Хаскелла о Дягилеве почти дословно, в переводе на английский язык, приводятся многие фрагменты из этого текста.[1] (В.Ф.Нувель был прямо заявлен соавтором книги А.Хаскелла о Дягилеве[12]).

Таким образом, время работы В.Ф.Нувеля над текстом можно предположительно отнести к периоду около 1934 – нач.1935 г.

Сам Арнольд Л. Хаскелл в предисловии к книге «Дягилев. Его артистическая и частная жизнь» так пишет о своем сотрудничестве с В.Ф. Нувелем:

«…Мой последний визит был к Вальтеру Нувелю, которого я прежде не знал. Он один был действующим лицом практически всех периодов [жизни Дягилева – Е.В.]. Он работал с Дягилевым, спорил с Дягилевым, восхищался и любил его, и мог говорить о нем с освежающей независимостью. Он был один из тех редких людей, у которых нет ни личной цели, к которой бы он стремился, ни личной теории, которую бы он хотел доказать. Он не искал для себя особенного места под солнцем. Нет сомнения, поэтому многие его достижения останутся неизвестными. Он со всей страстью увлекся тем, чтобы я создал достойный памятник его другу – работу, которая, рассказав обо всем откровенно, могла бы защитить память о нем от несправедливых нападок.

Беседовать с ним было удовольствием, и почти сразу же мы договорились о сотрудничестве, надеясь, что два взгляда, с близкого расстояния и издали, вместе смогут дать достоверный портрет человека в перспективе. Оба мы осознавали его недостатки, Нувель время от времени страдал от его трудного характера. Мы решили быть полностью честными, рассказав все, что мы знаем.

Нувель предоставил мне массу тщательно подобранных заметок[13], и без его помощи моя задача могла оказаться невыполнимой. Часто я интерпретировал эти материалы в моей собственной манере[14], но портрет, получившийся в результате, достиг, как показалось нам обоим, полного сходства …"[15]

Далее, через несколько страниц, выразив благодарность за помощь разным лицам, А.Хаскелл пишет: "Наконец [благодарю]

г-на Вальтера Нувеля за множество страниц разъясняющих заметок, за его терпение, за его постоянную нерусскую пунктуальность. Его дружба – немалая награда за эту работу"[16].

Кроме того, в дневниковых записях К.А.Сомова[17] за 1934 г. читаем:

"4 октября 1934 г.... Вечером Валечка и Дафнис. Валечка прочел нам с начала своей книги – книга написана отлично....прекрасным французским языком."

"15 ноября 1934 г. В 9 пришел Валечка, рассказал о своем свидании с Хаскеллом у Леонов. Прочел последнюю часть своей книги".

"15 декабря 1934 г. К Валечке. Он читал мне отрывок из его записей для Хаскелла о Дягилеве, о его ранних петербургских годах".

Таким образом, можно сделать вывод, что рукопись была создана в 1934 г. и закончена уже в середине ноября.

Рукопись представляет собой 300 страниц текста на французском языке.

Воспоминания разделены самим автором на две части. Первая часть – С.1 – 171, повествует о жизни и деятельности С.П. Дягилева в Санкт-Петербурге, охватывая годы с 1891 по 1905, т.е. с приезда в Петербург и до организации Выставки исторических портретов в Таврическом дворце, вторая рассказывает о деятельности Дягилева, проходившей за границей, начиная с 1906 г., когда Дягилевым была организована первая заграничная выставка, и заканчивая его кончиной в 1929 г.

На русском языке воспоминания не публиковались, хотя отдельные фрагменты из них приводились в некоторых изданиях, посвященных С.П. Дягилеву и «Миру искусства»[18]. Что касается публикаций за рубежом, мне не удалось узнать ни о каких других, кроме книги А.Хаскелла, в которую они вошли лишь частично.

Главное внимание на страницах воспоминаний уделяется, конечно, Сергею Павловичу Дягилеву. Автор подробно и живо рассказывает о его семье, его жизни и деятельности, о развитии его характера. Другие герои воспоминаний – друзья и сотрудники

Дягилева по «Миру искусства» и «Русскому Балету», русские и зарубежные художники, музыканты, танцовщики, меценаты, чиновники, политики. В текст включены также размышления автора о русской и зарубежной музыке, живописи, театре и зарисовки художественной жизни разных лет.

2. Семья Философовых и Дмитрий Философов на страницах воспоминаний

По эмоциональности рассказа и объему уделенного текста вторым персонажем рукописи, хотя и очень много уступающим первому, должен быть назван Д.В. Философов, и кроме семьи Дягилевых на страницах воспоминаний описана только одна семья – Философовых.

Вот как рассказывает В.Ф. Нувель об Анне Павловне и Владимире Дмитриевиче Философовых: «Мать Философова, Анна Павловна, была сестрой отцу Дягилева. Некогда она славилась своей красотой, в той же степени, что и той важной ролью, которую играла во время царствования Александра III в либеральном движении этой эпохи реформ. Наибольший вклад она внесла в создание курсов высшего образования для женщин. Из-за своих крайне либеральных взглядов, которые сблизили ее даже с революционной частью русской интеллигенции, равно как и благодаря своей бурной и неутомимой деятельности в соответствии с этими взглядами, она оказалась настолько скомпрометирована в глазах правительства и лично императора, что, несмотря на высокий пост мужа, она была в конце концов выслана и вынуждена довольно долгое время жить за границей вместе с детьми. Говорили, что такое наказание она понесла за то, что укрывала в собственном доме революционерку Веру Засулич, которая стреляла в генерала Трепова, возглавлявшего полицию Санкт-Петербурга, и организовала ей побег, [19] скрыв ее под шубой своего мужа. Самое забавное, что они жили тогда в роскошной государственной квартире в том же доме, где помещался Высший военный трибунал, где ее муж служил главным прокурором.

Этот последний представлял собой полную противоположность своей жене, которую обожал. Будучи на двадцать лет старше ее, он, в то время, когда Дягилев приехал в Санкт-Петербург, был уже стариком, высоким, с белой бородой, спокойным, строгим, исполненным достоинства. Несмотря на изысканную любезность обращения, он внушал не только уважение, но и страх – настолько суров был его взгляд. Однако все это было только внешнее. В сущности, он был добр и чувствителен, и всегда имел особенную слабость по отношению к жене, так что она делала с ним все, что хотела, а он прощал все ее причуды и все капризы.

Отец Философова занимал высокое положение при Александре II, который его очень любил, но откровенно не выносил его жены. Философов стал государственным секретарем императора, и одно время думали, что он будет назначен министром юстиции. Он принадлежал к тому поколению государственных деятелей, которые участвовали в либеральных реформах первой половины царствования Александра II, особенно в освобождении крестьянства и [20] масштабной юридической реформе. С восшествием на престол Александра III, с появлением новых тенденций, так называемых реакционных, но в действительности – мудро консервативных, карьера отца Философова закончилась. Он был назначен членом Государственного Совета, что являлось высшей ступенью бюрократической иерархии, но в то же время было равнозначно отправке на отдых.

Убийство Александра II произвело глубокое впечатление на петербуржское общество. Оно значительно остудило воодушевление и активность тех кругов, которые гордились своими передовыми взглядами, которые их распространяли и проповедовали. Госпожа Философова тоже была потрясена. Она отказалась от экстремизма, ее реформаторский пыл умерился. Она оставалась верна своим либеральным взглядам и фрондерскому отношению к новому режиму, все же не переступая границ умеренной оппозиционности.

…Дом Философовых был гостеприимный, как большая часть русских домов. Каждую среду и воскресенье там собирались на

обед родственники Дягилевых и Философовых, которым не было числа, а также множество друзей. Можно было приходить без приглашений. Обеды бывали довольно занимательные. Говорили обо всем, рассуждали и спорили о предметах практически любого рода.[21] Молодежь привносила веселье, смех. Сам старый Философов не брезговал порой рассказать гривуазный анекдот[22]»[23].

Что же касается Дмитрия Философова, то Нувель хорошо его знал, их отношения, хотя и дружеские, были непростые, порой весьма напряженные. Достаточно сказать, что Нувель сыграл известную роль в таких поворотных эпизодах судьбы Философова, как его разрыв с Дягилевым и сближение с Мережковскими. После своей эмиграции Философов практически перестал общаться с бывшими друзьями по «Миру искусства», но с Нувелем время от времени входил в контакт, как можно понять из переписки Нувеля с Сомовым.

Нувель пишет о Философове только в первой, «петербургской» части воспоминаний, что понятно – автор следует за Дягилевым, а после отъезда последнего за границу, их пути с Философовым совершенно разошлись. Однако же на протяжении первой части имя Философова встречается очень часто. Впервые он появляется в рассказе о приезде Дягилева в Санкт-Петербург, и затем, естественно, постоянно упоминается в рассказах об университетской жизни, образовании кружка «Мира искусства», об издании одноименного журнала.

Воспоминания не содержат каких-нибудь неизвестных важных фактов, но зато позволяют сделать ряд мелких уточнений. Так, мы узнаем о том, что в 1893 г. Дмитрий Философов тяжело перенес скарлатину, после чего и вынужден был уехать на всю зиму из Петербурга в Ниццу; что летом 1895г., вместе с матерью он переехал с Галерной на Фонтанку, куда вслед за ними перебрался и Дягилев; что в 1895 г. он сдал выпускные экзамены в университете, а на следующий год, т.е. летом 1896, отправился в Гейдельберг, где собирался продолжать образование, и Дягилев приезжал с ним туда; что отказавшись от идеи учиться в Гейдельберге, он отказался заодно от планов сделать университетскую карьеру...

Интересны и непосредственны зарисовки из жизни «мирискусников», живо характеризующие, в частности, Дмитрия Философова.

«…Зимой 1897-98 гг. часто собирались по вечерам в студии у княгини Тенишевой. Дух там царил довольно беспорядочный. Говорили обо всем подряд, и о серьезных вещах, и о чепухе, составляли планы, спорили об искусстве и залпом пили шампанское, которое текло рекой и которое княгиня очень любила. Обычными сотрапезниками были Дягилев, Философов, Бакст, Серов, когда он приезжал из Москвы, я и некоторые другие (Бенуа тогда жил в Париже). В то же время, однако, не забывали и о делах, и Дягилев, с одной стороны, а Философов – с другой, прилагали все силы к тому, чтобы княгиня согласилась дать необходимые средства на создание художественного журнала. Дягилев в основном воздействовал на саму княгиню Тенишеву, которой было лестно выступить в роли мецената, а Философов принялся за княгиню Четвертинскую, которая имела огромное влияние на свою подругу, представляя собой элемент серьезный, уравновешенный и вдумчивый»[24] .

"…Все споры шли вокруг художника Виктора Васнецова, которому Дягилев и, в особенности, Философов решили посвятить первый номер обозрения, наряду с великим русским пейзажистом Левитаном. В то время как все мы были восхищены последним, мы, левые, терпеть не могли Васнецова, которого считали художником посредственным и в дурном вкусе. А ведь он был идолом Москвы и любимыи протеже Мамонтова. Философов, у которого идеологическая сторона всегда была главной, видел в нем обновителя религиозного русского искусства, в чем ему удалось убедить даже Дягилева"[25] .

"…Вот фрагмент одного из моих писем Бенуа, весьма показательных в отношении этого конфликта: " Споры очень интересные, – писал я. – В то же время, недавно, по поводу Виктора Васнецова \ на повестке дня оказался вопрос... о принципах искусства высшего и искусства низшего. С некоторых пор, особенно с последней поездки в Москву и в Киев, Сережа, и, особенно, Дима

принялись в некотором роде поклоняться Васнецову. В нем видят светоч нового русского искусства, его объявляют гением, самым блестящим феноменом новой России, идолом, перед которым надо встать на колени и восхищаться. Наши возражения, возражения людей, которые не смешивают рассуждения культурного и исторического порядка и чисто художественной ценностью, вызывают исключительно обвинения в невежестве, в непонимании России, в отсутствии чувства русского, нас квалифицируют как "иностранцев"! Естественно, при таком отношении к Васнецову, Дима и Сережа могут демонстрировать только враждебность по отношению к таким персонажам, как французские рисовальщики, и вчера Дима дошел до того, что назвал их работы "искусством борделя»[26].

«…Это был обычный образ действий Дягилева и Философова. Как только с ними не соглашались и кто-то хотел устраниться, они вставали на дыбы, крича о предательстве, и заставляли вас стыдиться своего поведения. На их взгляд, вы должны были служить общему делу прежде всего прочего, а служить общему делу – это означало служить их собственному делу.

То же самое произошло и со мной. Уже три года я служил в Министерстве Императорского двора. У меня не было других средств к существованию, кроме моего жалования чиновника. В августе Император отправился в Крым, где собирался остаться на длительный срок. Министр сопровождал его, а я – я должен был следовать за своим министром. Это меня совершенно не радовало, я в тысячу раз больше хотел бы остаться в Санкт-Петербурге, где все еще занимались подготовкой первого номера журнала. Помню, как тогда в Крыму я получал одно за другим письма от Философова, полные обидных упреков. Он обвинял меня в том, что я думаю только о своей презренной чиновничьей карьере, что я бросил друзей в тот момент, когда они больше всего во мне нуждаются. По его мнению, я должен был отказаться сопровождать своего начальника, принеся свои жалкие, мелкие личные интересы в жертву большому делу, главными служителями которого являются они сами (с Дягилевым – Е.В.). Для "дела" надо было жер-

твовать собственными интересами, они же о своих не забывали, и по той простой причине, что личные их интересы соединялись с интересами их "дела". В этом давлении, которое Дягилев и Философов оказывали на своих друзей и сотрудников, было нечто, вызывавшее возмущение. И именно в таком их образе действий нужно видеть (основную – В.Н.встав.) причину бесчисленных ссор, возникавших между нами. Но, с другой стороны, возможно, что именно благодаря этой их требовательности, этой властности, и , решимся и на такое слово – этой эксплуатации, Дягилев и Философов, а потом – один Дягилев, смогли добиться от своих сотрудников максимальной продуктивности. + (+ и побудить их работать с полной отдачей – встав. В.Н.)»[27] .

«…В это время (1897 г.), вдали от Бенуа и Бакста и их влияния, Дягилев все более склонялся в сторону Москвы, поддерживаемый в этом его кузеном Философовым. Симпатии последнего, возможно, неосознанно, склонялись к националистическим тенденциям и он, хвалясь своей «европейскостью», был недалек от того, чтобы увидеть в нас, Баксте, Бенуа и во мне, своего рода «западников», «неспособных почувствовать и проникнуть в глубину природы русской души».

На мой взгляд, чрезвычайно интересны и ценны его попытки составить портрет Д.В. Философова, соединив откровенно восторженное описание его внешнего вида с довольно жесткой психологической характеристикой и с вытекающими из его психологических особенностей качеств, нашедших применение в общих делах.

«Философов был еще более высок, чем Дягилев, но очень тонкий и стройный, намного менее крепкий, чем его кузен, и весьма слабого здоровья. Это был блондин пепельного оттенка. Его лицо, прекрасно очерченное, с линиями чистыми и тонкими, особенно в профиль, с большими серо-голубыми глазами, немного холодными, представляло собой тип аристократической и изысканной красоты. Его кожа была матово-бледной, руки были идеально красивы, тонкие и длинные, с заостренными пальцами и миндалевидными ногтями. Они были словно срисованы с рук персонажей

Ван Дейка. В этом он тоже был противоположностью Дягилева, руки которого были некрасивы, с короткими пальцами и квадратными ногтями. По своей душевной природе они тоже отличались один от другого. Философов не обладал пылким темпераментом, не был экспансивен. Он был скорее спокойным, замкнутым, даже холодным внешне. Очень образованный и умный, он был насмешлив, язвителен и порой зол. За внешним видом сухим и жестким он скрывал слабый характер и чувствительность, или, скорее, сентиментальность, которые хотел побороть. На него легко могли повлиять люди, по натуре более сильные и авторитарные, чем он (зачеркн.: как в случае с Дягилевым).[28]

«... Очень умный, очень образованный, даже эрудит, в семье он считался будущим великим человеком. Им восхищались и очень уважали. В искусстве он оказался совершенно случайно, сначала – из-за дружбы с Бенуа, потом – благодаря близости с Дягилевым. В душе он не был человеком искусства ни в малейшей степени – ни по своей природе, ни по своим склонностям, ни по вкусам. У него отсутствовало всякое понимание произведений искусства. Искусство для него было ветвью общей человеческой культуры, по важности находящейся на втором плане в сравнении с философскими, социальными и религиозными идеями. Это был идеолог, доктринер, которому необходима была некая система, некий принцип, некая теория. Но он не был отвлеченным мыслителем в чистом виде. Он хотел, чтобы его идеи жили и работали, были воплощены в реальных предметах. Человек удивительной гордости и амбиций, искусство он полагал для себя слишком узкой сферой. Его замыслы были самые высокие. Он думал о преобразовании мира, об основании если не новой религии, то нового христианства, новой церкви. Толстой, Достоевский, Ницше должны были уйти в прошлое. Увы, эти прекрасные мечты рухнули самым прискорбным образом»[29].

«...И по складу ума, и по душевной природе Дягилев и Философов были полностью противоположны друг другу. Единственным их общим свойством была амбициозность, властное желание встать во главе нового поколения и направлять его. Один хотел

добиться этого в области искусства, другой – в том духовном и культурном движении, центром которого был Мережковский»[30].

«...Именно он (Философов), в основном, и занимался технической стороной издания, преданно и самоотверженно посвятив себя этому неблагодарному делу. В этом он был для Дягилева незаменимым помощником. Здесь он мог применить все свои редкостные душевные качества. Это был первоклассный работник, добросовестный до скрупулезности, не уклонявшийся ни от какой текущей работы. И если он служил делу, то отдавал ему себя всего. У него было огромное чувство долга и ответственности.

К несчастью, у него совершенно не было творческого духа, таланта, способности к взлету фантазии. Это не значит, что он был исключительно рассудочным человеком. Он был натурой очень чувственной. Но то была чувственность грубая, лишенная тонкости, иногда даже циничная. Между его чувствами и мозгом не было равновесия. Он был не в силах привести их в согласие, и мне кажется, что именно в этом источник его мистических и религиозных устремлений. И также, я полагаю, именно это отсутствие равновесия, вместе с его гордостью и властностью, заставляло его напускать на себя ту суровость и надменность, которые подчас делали его невыносимым. В такие минуты он становился высокомерным, язвительным, полным презрения и даже злым, и часто задевал и унижал своим обращением чуть ли не самых близких друзей. Ему нравилось, не дожидаясь ничьих приглашений, присваивать себе совершенно самовольно роль «великого судьи» и безапелляционно изрекать приговоры и выносить решения, по большей части несправедливые и явно пристрастные. Я не думаю, что он был добр по натуре. Ему нравилось делать добро, и он действительно делал много хорошего, и в материальном, и в моральном смысле, но это добро, казалось, не шло от сердца, это было, скорее, вопросом принципа, долгом, сознание исполнения которого доставляло ему удовольствие. И в то же время в нем проявлялась иногда необъяснимая жестокость и он заставлял глубоко страдать тех, кто с этим сталкивал-

ся. Я думаю, что эта его жестокость была жестокостью человека слабого и сентиментального (ибо он был и слаб, и сентиментален), который, ненавидя и презирая эти черты собственного характера и всегда боясь отступить, старался подавить эти черты, подстегивая противоположные чувства. При всем том, в дружеском кругу, когда он сбрасывал свою римскую тогу и оставался, так сказать, в естественном виде, он мог быть обворожителен. Он становился веселым, жизнерадостным, сердечным, остроумным и забавным, дурачился, как ребенок, и разражался смехом»[31].

Я полагаю, не будет особенным преувеличением сказать, что этот портрет Дмитрия Философова может быть причислен к наилучшим из предложенных в мемуарах, дневниках, переписке современников, не исключая А.Н. Бенуа, З.Н. Гиппиус, П. Перцова, М.В. Добужинского, А.П. Остроумовой-Лебедевой.

Завершая, коротко подытожу сказанное.

Воспоминания В.Ф. Нувеля, заметного представителя интеллектуально-богемных кругов Санкт-Петербурга на рубеже XIX–XX вв., практически не дают исследователю, изучающему историю семьи Философовых, деятельности Анны Павловны Философовой или Дмитрия Владимировича Философова, новых фактологических материалов. В то же время эти воспоминания предлагают читателю живые и эмоционально насыщенные картины из жизни семьи Философовых, и, главное, многие страницы воспоминаний и размышлений о Дмитрии Философове. Воспоминания В. Нувеля дают исследователю уникальную возможность почувствовать, представить себе Дмитрия Философова, человека, сыгравшего в истории российской культуры особую роль, хотя бы приблизительно так, как видели его современники, и в этом, на мой взгляд, эти воспоминания не имеют себе равных.

Примечания

1. См. о В.Н. Нувеле: Бенуа А.Н. «Мои воспоминания», Остроумова-Лебедева А.П. «Воспоминания», Кузмин М.А. «Дневник 1906-1908гг» и т.д.

2. См. мнение о в.Ф. Нувеле , высказанное З.Н.Гиппиус как на страницах ее Дневников (разные издания) , и в «Письмах З.Н. Гиппиус к В.Ф. Нувелю», опубликованных в

сб. «Диаспора». № 3.
3. См., например, письма В.Ф. Нувеля к А.Н. Бенуа (РГАЛИ, ф. 938, оп.2, е.х. 285).
4. Об этом эпизоде упоминается в письме В.Ф. Нувеля к Д.В. Философову в Париж в 1908 г. См. Приложение к «Письмам З.Н. Гиппиус к В.Ф. Нувелю», опубликованным в сб. «Диаспора». № 3. Париж – СПб., 2001.
5. Нувель Вальтер Федорович. Воспоминания о Дягилеве. (Notes de Walter Nouvel Diaghileff.) РГАЛИ, ф. 2712 «Лобанов-Ростовский», оп. 1, е.х. 104 . 300 лл. Нач. 1930-х – до 1935 г. С. 133 (Далее при ссылке на данную рукопись указан только номер страницы).
6. РГАЛИ, ф.1900, оп.1, е.х. 278.
7. РГАЛИ, ф.938, оп.2, е.х. 285.
8. РГАЛИ, ф.869, оп.1, е.х. 59.
9. Об этом говорит сам И.Ф. Стравинский в своих «Диалогах»: Игорь Стравинский. Диалоги. Л.: «Музыка», 1971. С. 143.
10. Romola Nijinsky. Nijinsky. Simon and Schuster, New-York, 1934.
11. Например, фрагмент о мачехе Дягилева, о няне, о его внешности и очень многие другие.
12. «Diaghileff. His artistic and private life, By Arnold L. Haskell in collaboration with W.Nouvel. Simon and Schuster, New-York, 1935.
13. В оригинале – "notes". Подчеркну, что рукопись В.Ф.Нувеля озаглавлена "Notes de W. Nouvel. Diaghileff".
14. «Часто», но не «всегда» – что вполне согласуется с присутствием в книге дословно воспроизведенных фрагментов рукописи.
15. «Diaghileff. His artistic and private life, By Arnold L. Haskell in collaboration with W.Nouvel. Simon and Schuster, New-York, 1935. С. 19. (Пер. с англ . Е. Виноградовой).
16. Там же. С. 29.
17. Сомов К.А. Письма. Дневники. Суждения современников. М.:Искусство, 1979.
18. Выдержки из текста в переводе на русский язык приводились, в частности, в комментариях к изданию «Сергей Дягилев и русское искусство. Статьи, открытые письма, интервью. Переписка. Современники о Дягилеве», в 2-х тт. Сост. вступ. статья, комментарии И.С. Зильберштейн, В.А. Самков. М.:Изобразительное искусство, 1982. Т. 2. С. 335.
19. Л. 10.
20. Л. 11.
21. Л.12.
22. Л.13.
23. Весь процитированный отрывок с небольшими купюрами и дополнениями из других источников, в частности, из переписки Е.В. Дягилевой с А.П. Философовой, вошел в книгу А. Хаскелла.
24. Л. 56-57.
25. Л. 64.
26. Л. 65.
27. Л. 68-69.
28. Л. 13.
29. Л. 52 – 53.
30. Л. 56.
31. Л. 60-62.